

Игры методологов: Мишель Фуко и «оргуправленческий» проект Георгия Щедровицкого

Игорь Кобылин

Доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет. Адрес: 6030005, пл. Минина и Пожарского, 10/1.
E-mail: kigor55@mail.ru.

Ключевые слова: советская философия; правительность; биополитика; искусственное и естественное; гибриды и «кентавр-объекты».

Статья посвящена рассмотрению «оргуправленческого» проекта Георгия Щедровицкого в свете работ Мишеля Фуко о либеральной «правительности» (*gouvernementalité*). Как убедительно продемонстрировал Фуко, либерализм, взятый в качестве управленческой техники, стремится «управлять не управляя». На его фоне даже позднесоветская — относительно мягкая — «правительность» выглядит архаически избыточной: вездесущий государственный контроль, идеологический диктат, окостеневшая ритуальность. Недостатка в критике этой авторитарной «правительности» не было, однако даже критические проекты часто разделяли советский пафос «формовки» нового общества «сверху». Так и управленческую концепцию Щедровицкого часто описывают как радикально конструктивистскую, «инженерную» и в целом, несмотря на жесткую критику советской номенклатуры, по-большевистски авторитарную. Такие описания во многом справедливы. Тем не менее анализ показывает, что представление об исключительно «полицейском»

характере «ОРУ» (Организация, Руководство, Управление) необходимо несколько скорректировать.

Во-первых, сам оргуправленческий проект может рассматриваться как своего рода «либерализация» современного мира высокотехнологичного производства. Во-вторых, основной задачей «оргуправленческой деятельности», по Щедровицкому, был не столько тотальный контроль над управляемыми, сколько переопределение самого отношения между «процессом естественных превращений» и «процессом искусственно-технических преобразований». Объект управления является «кентавр-объектом»: он способен к естественной эволюции, самодвижению и в то же время поддается корректировке извне. Искусство управления — это искусство нахождения такого баланса, который смог бы обеспечить «естественным превращениям» относительную автономию, а «искусственно-технические преобразования» превратить из шаблонного воспроизведения прошлого опыта в осмысленную и долгосрочную проектную деятельность.

ДОВОЛЬНО странный статус в современном российском интеллектуальном пространстве имеет наследие Георгия Петровича Щедровицкого, советского философа и методолога, основателя и идейного вдохновителя «методологического движения», одного из лидеров того направления в советской философии, которое Александр Дмитриев метко определил как «социально-проективное»¹. С одной стороны, активно издаются его книги, проводятся научные чтения его памяти, выходит внушительное количество публикаций, посвященных разным сторонам его многогранной творческой жизни. С другой — большинство этих публикаций принадлежит или соратникам и непосредственным ученикам Щедровицкого, или во всяком случае людям идейно близким «методологическому движению». Историк Роман Хандожко точно заметил:

Наибольшее количество текстов, которые пытаются описать методологическое движение и в исторической перспективе, и в философской, исходят из самого этого движения, то есть от людей, которые вовлечены в него изнутри и которые, соответственно, следуют некоторым установкам, которые были даны самим Щедровицким².

Лишь относительно недавно этот замкнутый, автореферентный дискурс стал дополняться корректирующими общую картину интерпретациями «извне»³.

Статья написана на основании доклада, прочитанного на конференции «Актуальность Фуко. Идеи Мишеля Фуко и современное общество», которая была организована Центром изучения гражданского общества и прав человека и прошла при финансовой поддержке Фонда им. Эндрю Гагарина на факультете свободных искусств и наук (СПбГУ) 14–15 декабря 2017 года.

1. Дмитриев А. Н. Мертвая вода, советские мыслители и гамбургский счет // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 4. С. 21.
2. Хандожко Р. Движение Г. П. Щедровицкого как предмет интеллектуальной истории: метод и контекст // Youtube. 07.12.2017. URL: <https://youtu.be/tUAtwddUj-g>.
3. Кроме выступления Хандожко, см. также: Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 169–201; Он же. Зачем нужно контекстуализировать работы Г. П. Щедровицкого? // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 441–443; Rindzeviciute E. The

Представленная ниже чисто «внешняя» попытка прочесть некоторые тексты Щедровицкого в свете работ Мишеля Фуко — это далеко не первый опыт сопоставления этих фигур вообще. Внутри методологической среды такого рода соотнесения проводятся уже довольно давно⁴. Так, в рамках IX Чтений памяти Георгия Щедровицкого (2003) проходил специальный коллоквиум, посвященный теме «Фуко — Щедровицкий». Любопытное — хотя и довольно спорное — сравнение их концепций мы находим у одного из первых учеников Щедровицкого Вадима Розина⁵. В небольшом докладе, подготовленном для коллоквиума, он наметил те общие установки мысли, которые объединяли этих явно очень разных теоретиков. Во-первых, полагает Розин, и на Щедровицкого, и на Фуко повлиял марксизм, следовательно, оба они верили в объективное существование социальных законов. Знание же подлинных «законов действительности» позволяет активно преобразовывать эту последнюю. К общему марксистскому бэкграунду Розин относит и интерес обоих к проблемам генезиса, практики и «распредмечивания». Во-вторых, оба теоретика «шли поперек традиционной философии»⁶ и, что симптоматично, не имели учителей. В-третьих, Фуко и Щедровицкий разделяли культурно-исторический подход к онтологии и общей картине мира. Наконец, даже личностные качества во многом совпадали: проблемы с социализацией, конфликтность и неуживчивость, приводившие к мыслям о самоубийстве.

Однако намеченное сходство, продолжает Розин, имеет очевидный предел. Если обратиться к Фуко, то все вышеперечис-

Future as an Intellectual Technology in the Soviet Union. From Centralised Planning to Reflexive Management // *Cahiers du Monde russe*. 2015. Vol. 56. № 1. P. 111–134.

4. Любопытно, что один из первых постсоветских сборников работ Фуко вышел в переводе и с послесловием Светланы Табачниковой, принимавшей активное участие в деятельности методологического движения. См.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. С. Табачниковой, под общ. ред. А. Пузырева. М.: Касталь, 1996. Недавно Табачникова выпустила во Франции книгу, посвященную кружку Щедровицкого (*Tabatchnikova S. Le cercle de methodologie de Mouscou (1954–1988): une pensee, un pratique*. P.: EHESS, 2007).
5. О годах своего ученичества Вадим Розин оставил небольшой мемуар. См. URL: www.fondgpr.ru/gp/personalia/1950/13. Там же он пишет об идейных и этических разногласиях с Щедровицким в начале 1970-х годов.
6. Розин В. М. М. Фуко и Г. Щедровицкий — мыслители XX века (сравнительный анализ) // Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: http://www.fondgpr.ru/lib/chteniya/ix/gp_mf/7.

ленные характеристики могут быть отнесены исключительно к раннему периоду его творчества. Поздний Фуко отказывается от исследования безличных структур языка и власти и «начинает ставить в центр человека и рассматривать его как субъекта и личность»⁷. «Забота о себе», «практики себя», «управление собой», локальные «стили существования» заместили археологию эпистем и дискурсивных режимов. Щедровицкий же всю свою творческую жизнь продолжал развивать «не-человеческий» и «бес-субъектный» проект, где главенствовали организация и управление, а «так называемые люди» (если воспользоваться сказанным по другому поводу *bon mot* Фридриха Киттлера) были лишь более или менее случайными «кнехтами» мыследеятельности. В общем, «гуманист» Фуко, переживший, пусть и несколько запоздалую, антропологическую метанойю, — против авторитарного «антигуманиста» Щедровицкого, который остался верен теоретическому наследию системно-структуралистского бума 1960-х годов. В завершении доклада Розин говорит и о политической ловушке, в которую методологическое движение, — конечно, против воли — в итоге попало:

Похоже, методология не справилась с джинном, выпущенным ею из бутылки. Не он оказался у нее в услужении, но она сама стала его рабой, позволив ему взять в заложники свою историю, когда последняя превратилась лишь в предысторию тех форм методологии, которые существуют ныне в рамках игрового движения. До тех пор, пока методология не вернет себе... свою историю как Историю с большой буквы, сопряженную с «большой историей» мысли и самого человека, до тех пор она не сможет освободиться из плена ею же индуцированных фантомных форм жизни и рациональности, лишь имитирующих мысль⁸.

Очевидно, что само это сообщение должно рассматриваться как попытка сопряжения наследия Щедровицкого с «большой историей» актуальной мысли⁹. На обсуждении докладов коллоквиума Наталия Автономова подчеркнула, что «сама интенция орга-

7. Там же.

8. Там же.

9. На тех же IX чтениях обсуждались в том числе такие темы, как «Щедровицкий и Лакан», «Щедровицкий и Пиаже» и «Щедровицкий и Ролз». А на предыдущих, XVIII чтениях — «Щедровицкий и Делёз», «Щедровицкий и Деррида» и, наконец, «Щедровицкий и Хабермас». Архив Чтений памяти Г.П. Щедровицкого доступен на сайте Научного фонда им. Г.П. Щедровицкого. См. URL: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya>.

низаторов на то, чтобы вписать *свое* в мировую историю философии и историю культуры, безусловно, правильная»¹⁰. Однако она же поставила под вопрос целый ряд положений, высказанных Розиным. И действительно, довольно трудно всерьез говорить о марксизме Фуко. Да и противопоставление раннего Фуко, верящего в объективные «социальные законы», позднему, делающему ставку на «субъекта» и даже «личность», требует очень существенных корректив. Более того, складывается впечатление, что в своем сопоставительном анализе Розин никак не может выбрать подходящий масштаб. Отмечаемые им сходства и различия (и так не слишком точные) сделаны «сверху», «с высоты птичьего полета»: они слишком общие, чтобы быть по-настоящему продуктивными. Более же «близкое чтение» пока откладывается:

Можно также говорить — и здесь частично обсуждалось — о сходных (во всяком случае, на первый взгляд) понятиях практики, генезиса, диспозитива (его отчасти можно сравнить с идеей конфигулятора). Но чтобы утверждать это с основательностью, нужна специальная реконструкция¹¹.

Однако в отсутствие такой реконструкции сама тема «Щедровицкий — Фуко» начинает казаться все более произвольной. Попытки «щедровицян» связать советского методолога-государственного и французского постструктуралиста через понятия «проблематизации» (Татьяна Стецюк), «исторической социологии» (Рустем Максудов), «эмпиризма» и «проектности» (Борис Сазонов) выглядят довольно натянутыми. Это позволило участвовавшему в обсуждении Валерию Подороге выразить сомнение в наличии «достаточной сравнительной базы»:

Не буду предугадывать дальнейший путь программы, которая выстраивается сейчас внутри Методологического движения... но, на мой взгляд, здесь есть некоторые ошибки, связанные, наверное, с недостаточным знанием европейской ситуации. В частности, ситуация сравнения Фуко и Щедровицкого мне кажется не совсем удачной¹².

10. Автономова Н. С., Максудов Р. Р., Кузнецова Н. И. Дискуссия // Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/ix/gp_mf/8.

11. Розин В. М. Указ. соч.

12. Круглый стол «Линии и узлы». Георгий Щедровицкий и Мишель Фуко // Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/ix/gp_mf/o.

Скепсис Подороги вполне понятен — спекуляции вокруг «сравнительной базы», предположительно располагающейся в методолого-эпистемологической области, явно не достигают цели (если не считать таковой исключительно «глорификацию» Щедровицкого). Но, возможно, эта «сравнительная база» просто лежит в другой области. Как представляется, ее следует искать не столько в сферах культурно окрашенной онтологии или исторически ориентированной эпистемологии, сколько в круге вопросов, связанных с проблемами управления. В докладе Розина эта тема намечается, но в конечном итоге служит лишь для того, чтобы стать точкой демаркации — бессубъектное Управление с большой буквы у Щедровицкого и «личностное» управление собой у Фуко. По объективным причинам здесь не учитываются лекции последнего о «государственном интересе», «полиции», «пастырстве/поводырстве» и, наконец, о «правительности»¹³ как совокупности новых техник власти. Действительно, в 2003 году, когда проходили IX чтения, размышления Фуко о *gouvernementalité* были, видимо, еще плохо известны. Так, даже во Франции ключевые курсы в Коллеж де Франс, напрямую посвященные управленческой проблематике (речь идет прежде всего о лекциях 1977–1978 годов «Безопасность, территория, население» и курсе 1978–1979 годов «Рождение биополитики»), были изданы только в 2004 году. Сегодня, когда основной корпус текстов о «правительности» доступен для изучения, открываются новые исследовательские перспективы в теме «Щедровицкий — Фуко». И речь, по всей видимости, должна идти не столько о последовательном сравнительном анализе, сколько о более свободном варианте перекрестного чтения.

Один из возможных ракурсов такого чтения недавно предложила Эгле Риндзевичуте. В книге «Власть систем» (2016) она подробно рассмотрела тот управленческий бум, который начался еще в 1930–1940-е годы в США, а к концу 1950-х — началу 1960-х годов докатился и до Советского Союза. Ключевую роль в новых подходах к управлению стала играть наука, и прежде всего та-

13. Термин *gouvernementalité*, который активно использовал Фуко, и его английский аналог *governmentality* переводились на русский язык по-разному: и как «правительственность», и как «(у)правление», и как «управленчество». Здесь и далее используется «остраняющий» вариант «правительность», предложенный Александром Писаревым и Станиславом Гавриленко в переводе книги Митчелла Дина, посвященной анализу этого понятия у Фуко (Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Дело, 2016).

кие направления, как теория систем и кибернетика. Риндзевичуте говорит даже о «системно-кибернетической правительственности» (*system-cybernetic governmentality*), основные принципы которой ковались в американских *think tank*'ах, таких как появившийся в 1948 году стратегический исследовательский центр *Research and Development (RAND)*. Деятельность подобных центров была обусловлена, конечно, военно-стратегическими нуждами, но выходявшие оттуда управленческие новинки оказывали впоследствии колоссальное влияние на весь американский менеджмент. Анализируя это влияние, Риндзевичуте указывает на исторический парадокс: стремление военных и технократов к наращиванию контроля с помощью системного анализа и кибернетических методов управления привело к созданию новой — уже «не-модерной», в терминологии Латура, — парадигмы «правительственности» с ее понятиями неопределенности, самоорганизации, саморегуляции и самокоррекции на основе обратной связи. Системный подход и кибернетика оказались образцово постпозитивистскими (или постмодернистскими) науками, поставившими под вопрос властные амбиции «высокого» модерна.

И как далее показывает Риндзевичуте, между системным анализом управления и анализом «правительственности» у Фуко есть несомненное сходство. В перспективе кибернетического взгляда мир предстает в качестве многомерной совокупности сложнейших динамических систем. И тактическое регулирующее вмешательство здесь должно осуществляться так же осторожно, как и либеральное управление «населением» в описаниях Фуко. Исследовательница отмечает:

Я не утверждаю, что Фуко просто использовал системно-кибернетические идеи в своем интеллектуальном проекте по переосмыслению изменившейся природы управления в современном государстве (хотя он вполне мог так сделать). Скорее само появление исследований правительственности нужно понимать как результат фиксации реальных перемен в практиках управления, которые я и анализирую в книге. <...> В своем исследовании я предлагаю путешествие по ленте Мёбиуса, где фукольдианская перспектива правительственности может быть рассмотрена в качестве составной части системно-кибернетического мира управления¹⁴.

14. Rindzeviciute E. The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2016. P. 8.

Послесталинский Советский Союз не оставался в стороне от управленческих достижений Запада. Научные — системно-кибернетические — методы администрирования и менеджмента всерьез интересовали партийное руководство¹⁵. Уже в 1956 году издательство «Советское радио» опубликовало русский перевод книги Филипа Морза и Джорджа Кимбелла «Методы исследования операций» (1951), а в 1969 году в том же издательстве вышел «Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем» Стэнфорда Оптнера. В начале 1960-х годов СССР посетили Норберт Винер и Уильям Росс Эшби, а в конце этого десятилетия издательство «Прогресс» выпустило сборник переводов ключевых системных теоретиков — от Людвиг фон Берталанфи и Анатоля Раппапорта до Рассела Акофа и Кеннета Боулдинга¹⁶. Параллельно начинают развиваться собственные системно-кибернетические исследования (в которых Щедровицкий принимает самое активное участие), причем настолько бурно, что в начале 1970-х годов кибернетика, еще недавно гонимая, определяется в популярной книге как одно из трех последних великих открытий столетия — наряду с «освобождением атомной энергии» и «завоеванием космоса»¹⁷.

И вновь, как демонстрирует Риндзевичуте, нельзя проигнорировать «либерализирующий» эффект привития «системно-кибернетической правительности» централизованной и авторитарной советской партократии. Системный подход обладал неустрашимым перформативным потенциалом: даже если сознательной целью советского руководства было сохранить и упрочить свою номенклатурную власть путем кибернетической «перезагрузки», то в реальности такая «перезагрузка», скорее, ее ослабила. Впрочем, серьезное реформирование централизованного и заорганизованного управленческого аппарата выдвигалось в качестве на-

15. Александр Бикбов подробно проанализировал общую «сциентизацию политического правления» в СССР в 1960-е годы. «Институциональная привязка „советского строя“ к „науке“ в реформенное десятилетие 1960-х становится результатом окончательного закрепления узла научности за ясным эмпирическим референтом — научной экспертизой государственного планирования, которая следует за окончательной интеграцией институтов академической науки и университета в государственное администрирование и *vice versa*» (Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 242).

16. См.: Исследования по общей теории систем: сб. переводов / Общ. ред. и вступ. статья В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969.

17. См.: Пекелис В. Д. Кибернетическая смесь. М.: Знание, 1973. С. 6.

сущной проблемы и на уровне сознательных целей — во всяком случае, частью высших руководителей страны. Согласно Риндзевичуте, особую роль в попытках модернизации советской системы управления сыграл тандем премьера Алексея Косыгина и его зятя, философа и организатора науки Джермена Гвишиани. В 1969 году Гвишиани защитил докторскую диссертацию по теме «Американская теория организационного управления» и долгое время курировал советские системные исследования в различных институтах. В небольшом мемуаре, посвященном Косыгину, Гвишиани настаивал, что ключевой интенцией реформы 1965 года была именно децентрализация управления.

В то время само понятие децентрализации упоминалось нечасто, превалировали «централизованные плановые начала». Однако конкретное содержание намеченных мер, полная самостоятельность предприятий неизбежно означали отказ от централизма и постепенную эволюцию системы «государственного управления народным хозяйством» в систему «государственного регулирования деятельности предприятий»¹⁸.

В конце концов эта эволюция была прервана, но само ее направление симптоматично для позднесоветской «правительности».

Конечно, реакции Фуко и Щедровицкого на этот «кибернетический» контекст были далеко не одинаковы. Первый выбирает чисто аналитическую стратегию и пишет критическую генеалогию современных управленческих практик. Второй разрабатывает собственные проекты ОРУ (Организация, Руководство, Управление) и ОДИ (организационно-деятельностные игры) и распространяет свои идеи, читая лекции советским управленцам в институтах повышения квалификации при различных министерствах и устраивая деловые игры на множестве конкретных предприятий. И на фоне западной либеральной *gouvernementalité*,

18. Гвишиани Д. Человек, который был мне дорог // Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А. Н. Косыгине. М.: Республика, 1997. С. 202. Здесь же он пишет и о неизменном интересе Косыгина к управленческому опыту западного бизнеса: «Поскольку я профессионально занимался проблемами управления, изучением зарубежной теории и практики, Алексей Николаевич нередко с интересом выслушивал в моем изложении наиболее оригинальные взгляды крупных американских и других западных теоретиков бизнеса, высказывая свои замечания» (Там же. С. 201). Работы Гвишиани об управлении см. в: Гвишиани Д. М. Избр. тр. по философии, социологии и системному анализу. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007.

так тонко проанализированной Фуко, эти «игры методологов» выглядят вопиющим управленческим анахронизмом.

Действительно, согласно Фуко, направляющий вектор развития западных техник «правительности» можно описать так: от суверенного вмешательства и полицейского регулирования к либеральному искусству управлять не управляя. Благодаря усилиям «секты экономистов» в XVIII веке в европейской культуре формируется представление о новом типе естественности. Речь уже не идет ни о «естественности» средневекового космоса, ни о простой «естественности» природы как таковой. Конституируется «естественность» самого общества. Фуко поясняет:

Это та естественность, которая противопоставляется искусственности политики, государственного интереса, полиции. <...> Это специфическая естественность в отношениях людей между собой, в том, что спонтанно происходит, когда они живут совместно, когда они образуют единое целое, когда они обмениваются, когда они трудятся, когда они производят...¹⁹

Учрежденная «естественность» требует особого управленческого подхода, учитывающего относительную автономию управляемых. В курсе «Рождение биополитики» Фуко подробно разбирает ключевые элементы этого постепенно складывающегося в XVIII–XIX веках подхода. «Интерес» — основной оператор новой «правительности», «производство свободы» — доминирующий принцип, а «управление опасностями» и «создание механизмов безопасности» — главные инструменты²⁰.

На первый взгляд, нет ничего более далекого от либерального «искусства невмешательства», чем управленческие рецепты Щедровицкого. Даже на фоне позднесоветской командно-административной системы (особенно если вслед за Риндзевичуте принять во внимание перформативный эффект системного подхода и кибернетики), «социотехнический» рефлексивный менеджмент ОРУ выглядит неким авторитарным эксцессом. Не только Розин, но и другие исследователи часто описывали проект Щедровицкого как радикально конструктивистский, «прогрессорский»,

19. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. С. 450–451.

20. Он же. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. С. 73–99.

«инженерный». В беседе с Ильей Кукулиным Виталий Куренной определил «прогрессорские» устремления школы Щедровицкого как «истерию реформаторства» или «истерию конструктивизма». Разработанная в рамках методологического движения социальная инженерия полностью игнорирует «сопротивление материала» реальности. В этом она наследует большевистской «перековке» ветхого человека в нового члена грядущего коммунистического общества. Безусловно, такая характеристика во многом справедлива, тем более что Щедровицкий сам высоко оценивал раннесоветские теоретические эксперименты в области организационной науки — прежде всего работы Александра Богданова и Алексея Гастева. Однако некоторые повторяющиеся мотивы в текстах Щедровицкого, посвященных управлению, показывают, что столь жесткий отзыв может быть несколько скорректирован.

В статье «Будущее как интеллектуальная технология» уже упоминавшаяся исследовательница Риндзевичуте, «реабилитируя» идеи Щедровицкого, делает акцент на его умении мобилизовать и вовлечь в процесс проектирования неформальные связи. Сотрудничество участников деловой игры, процесс коллективного творчества — это и есть, в ее терминологии, своего рода «социальный аутопойезис». В ходе ОДИ вырабатывались не столько решения конкретных задач, сколько новые типы коллективности и новые способы постановки проблем. Во время игры «приученные постоянно подтверждать свою готовность к преданному исполнению партийных планов, советские управленцы боролись за право формировать собственное понимание, свои собственные цели и проекты»²¹. Вместе с тем, как представляется, здесь важна не только форма, помогающая родиться «клубу» самостоятельных менеджеров из духа организационно-деловой игры. Не менее значимо и содержание управленческой деятельности. И это содержание далеко не полностью исчерпывается определением «авторитарный конструктивизм».

Собственно, весь оргуправленческий проект можно уже рассматривать как своего рода «либерализацию» сурового мира бесконечного производства.

Производство было одной из важнейших исторических форм выражения деятельности. Но мы прошли этот этап, и нужно искать новую форму для существования деятельности. И по-

21. Rindzeviciute E. The Future as an Intellectual Technology in the Soviet Union. P. 127.

нятие управления сегодня является ключевым. Человек должен управлять — и в этом должна состоять его деятельность. Управлять протекающими вокруг него процессами и собственной жизнедеятельностью²².

Именно современное, высокотехнологичное производство, вышедшее в свое время из деятельности, полностью подчинило и в конце концов «разложило» эту последнюю. Получившие самостоятельность технологии потеряли человекообразность. Начав развиваться по собственным, автономным законам, они поставили под угрозу само существование природы и человека. Щедровицкий ссылается на исследования Римского клуба и Гудзоновского института, посвященные возможным катастрофическим последствиям технологической гонки.

В определенном смысле предлагаемая Щедровицким методология ОРУ — это биополитический проект, хотя биополитика здесь понимается не столько в смысле Фуко, сколько в экологическом духе — как давно назревшая необходимость согласовать политические, экономические и нравственные усилия людей с биологическими ритмами окружающей нас природы. Такая экологическая биополитика появляется еще в 1960-е годы, но по-настоящему значимой она становится в 1980-е. Во «Власти систем» Риндзевичуте показала, что не последнюю роль здесь сыграли международные исследовательские проекты и, в частности, концепция «ядерной зимы», совместно разрабатывавшаяся учеными из США, СССР и Западной Европы²³. Предыдущие попытки прогноза последствий ядерного конфликта, периодически предпринимавшиеся с конца 1940-х годов, всегда основывались на том, что в этом конфликте — пусть и ценой чудовищных потерь — будет победитель. Модель «ядерной зимы» радикально изменила само представление о возможной атомной войне. Глобальные климатические изменения, вызванные обменом ядерными ударами, делали бессмысленными все ставки на победу. Зато в грядущем столкновении появлялся еще один «участник» — природа. В проектных расчетах и моделях природа обретала некоторую «агентность» (если не «субъектность») и даже осуществляла собственную «политику». Из неисторичного, «вечного» фона человеческой деятельности она превратилась в могущественного и плохо предска-

22. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления: Хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого. М.: Дело, 2004. С. 9.

23. См.: Rindzeviciute E. The Power of Systems. P. 150–180.

зуюемого противника, с которым нужно научиться договариваться. Новая конфигурация сил настоятельно требовала переосмысления всей современной системы взаимодействия с природой. «Контроль», «овладение» и «использование» должны теперь уступить место новым биополитическим техникам, основанным на учете возрастающей неопределенности и кибернетическом принципе «обратной связи».

И действительно, именно у разработчиков проекта «ядерной зимы» возникают новые — экологически ориентированные — модели глобального управления и развития. Так, один из советских инициаторов исследования, математик Никита Моисеев параллельно работал над коэволюционистской стратегией взаимосвязи природы и общества, опираясь на учение Владимира Вернадского о биосфере и ноосфере²⁴. С другой (западной) стороны — голландский атмосферный химик Пол Крутцен, игравший ключевую роль в расчетах ядерной зимы, известен сегодня как один из авторов (наряду с Юджином Стормером) влиятельной концепции антропоцена, обсуждаемой сегодня в том числе и в гуманитарных науках.

Однако у Щедровицкого есть формулировки, заставляющие вспомнить и фукианское понимание биополитики как глобальной оптимизации жизни населения. Любопытно, что этот «фукианский акцент» появляется, когда Щедровицкий переопределяет важнейшее марксистское понятие практики. Читая в 1988 году цикл лекций о методологии и философии организационно-управленческой деятельности в рамках курса повышения квалификации руководящих работников и специалистов Министерства рыбной промышленности СССР, Щедровицкий говорит о практике так:

Практика — это когда мы смотрим, как живет и развивается наше общественное целое, организованное так, что все есть, когда все потребности сегодняшнего дня мы обеспечиваем, ничего лишнего не производим и ресурсы в землю не закапываем²⁵.

24. См., напр.: *Моисеев Н.* Человек и биосфера. М.: Юнисам, 1995. Согласно Борису Гройсу, весь русский космизм можно описать как своеобразную биополитическую утопию — пропагандируемое космистами преодоление смерти (которая, напомним, для Фуко являлась неустранимым пределом вмешательства биовласти) делало биополитику по-настоящему тотальной. См.: *Гройс Б.* Русский космизм. Антология. М.: Ad Marginem, 2015.

25. *Щедровицкий Г. П.* Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) // Из архива Г. П. Щедровицкого. М.: Путь, 2003. Т. 5. ОРУ (2). С. 88.

И чуть дальше он уточняет:

Практика — это не производство средств производства, а обеспечение всей системы жизнедеятельности народа, народа в целом и каждого человека в отдельности²⁶.

Практика как рачительная «забота о жизни» задает общую рамку, внутри которой осуществляется конкретная управленческая работа как «деятельность над деятельностями». И если обратиться к описанию Щедровицким техник ОРУ, то характеристика его проекта в качестве «истерии конструктивизма» не покажется таким уж сильным преувеличением. Прежде всего, он неоднократно и очень настойчиво говорил о «захвате» управляемого объекта и «навязывании» ему законов действия управленца. На первый взгляд речь идет о чистом «эксцессе» или «избытке» управления, морально устаревшем «полицейском» вторжении в область автономного. Сложно найти более яркий пример рудиментов большевистского мышления в терминах «формовки» и «перековки». Однако общий контекст рассуждений Щедровицкого позволяет несколько сдвинуть акценты. Говоря о «захвате», он, скорее, имеет в виду первоначальное конституирование самого поля управления, которое вполне может быть сопоставлено с конституированием «экономики» в качестве квазиприродного автономного целого в рамках либеральной «правительности»²⁷.

Это конституирование у Щедровицкого довольно сложно. Поскольку речь идет о процессе, здесь задается два состояния — то, в котором управляемая система находится в данный момент, и то, которого она должна достичь благодаря ОРУ. Щедровицкий говорит даже об организации особого хронотопа, «подвешивающего» физические свойства времени: в управленческом хронотопе настоящее «захватывает» и прошлое, и будущее. А затем внутри учрежденного управленческого поля, наделенного теперь собственным пространством-временем, задается, пожалуй, самое важное различие — между процессом «естественных превращений» (совокупность того, что происходит с конституированным объектом «само собой») и процессом «искусственно-технических преобразований» (совокупность корректирующих действий управленца). Значительность этого противопоставления

26. Там же. С. 90.

27. Кроме работ Фуко, захватывающая история изобретения «экономики» представлена в: Митчелл Т. Углеродная демократия: политическая власть в эпоху нефти. М.: Дело, 2014. С. 178–228.

особо подчеркивалась Щедровицким, утверждавшим, что оппозиция между «естественным» и «искусственным» для оргуправленца — это «проблема номер один», настолько серьезная, что требует отдельного исторического экскурса.

В ходе этого экскурса Щедровицкий кратко набрасывает собственную «археологию эпистем» и, как и Фуко в «Словах и вещах», тоже начинает с Ренессанса. Эпоху Возрождения он рассматривает как эпоху преимущественно техническую: не в том смысле, что она характеризуется высоким развитием техники, а в том, что мир в целом понимается здесь как мир объектов человеческой деятельности. В качестве примера Щедровицкий приводит «инженера-конструктора» Леонардо, полностью реализовавшего ренессансный потенциал артистически-технического отношения к миру. С приходом же Нового времени естественное отделяется от искусственного, и представшая наконец во всей своей «чистоте» и «независимости» Природа начинает играть роль субститута Бога. Усилиями Бэкона, Галилея и Декарта была построена сфера природного как пространство действия объективных законов. И хотя, как подчеркивает Щедровицкий, наука всегда имеет дело только с идеальными объектами, но и в обыденном сознании, и часто в сознании самих ученых они натурализуются и отвердевают в «научной картине объективного мира».

Этот краткий исторический экскурс наводит на мысль, что если темы «Щедровицкий — Лакан/Делёз/Деррида» справедливы кажутся несколько экзотическими, то возможная тема «Щедровицкий — Латур» выглядит весьма перспективной. Точно так же, как в интерпретации Латура великое нововременное разделение не позволяет помыслить многочисленных гибридов, занимающих все пространство Срединной империи, «рождение» Природы в экспериментально-математическом естествознании XVII–XVIII веков не позволяет, согласно Щедровицкому, увидеть «кентавричность» любого объекта, с которым мы взаимодействуем²⁸. «Кентавричность», открытие которой Щедровицкий приписывает Марксу как основоположнику деятельностного подхода, означает здесь принадлежность всякого объекта одновременно двум мирам — миру человеческой деятельности (где он может выступать в качестве материала, продукта, средства и так далее)

28. Эгле Риндзевичуте уже обратила внимание на параллель между «гибридами» Латура и «кентаврами» Щедровицкого. См.: *Rindzeviciute E. The Future as an Intellectual Technology in the Soviet Union*. P. 130.

и естественному материальному миру. Более того, объект именно как объект появляется только в результате «захвата» природы деятельностью:

Вообще, когда мы говорим «объект», то это означает, что нечто принадлежит деятельности, именно деятельность очерчивает границы объекта. <...> Объекты «вырезает» практика, в самой природе нет объектов²⁹.

Собственно, все эти «кентавр-объекты», по Щедровицкому, и задают проблематику управления в ее специфике. Если бы объекты были только природно-естественными, то никакое управление с ними бы не справилось. Если бы, напротив, они были только искусственными, то в управлении просто не было бы надобности. При этом милитаристская риторика «захвата» и «навязывания» не должна смущать. Как только конституирующий жест «очерчивания» области управления из неопределенного хаоса действительности завершен, приоритет отдается процессу «естественных превращений».

Система управляющая работает на то, чтобы обеспечить за счет искусственно-технической компоненты проталкивание естественных траекторий, или векторов эволюции, этой системы. Можно только интенсифицировать естественно наметившиеся линии, а идти поперек или против естественного процесса безнравственно и безнадёжно³⁰.

Именно здесь, в этом узле, связывающем «естественное» и «искусственное», коренится вся проблема советской системы. Она одновременно и слишком активна, и слишком пассивна. В своей активности она совершенно игнорирует «естественную эволюцию». Административно-бюрократические «наросты» вмешиваются во все сферы жизни, не позволяя людям самостоятельно определить вектор собственного движения. В то же время управление и администрирование в советских учреждениях осуществляются слишком пассивно. Это работа по бюрократическим шаблонам и нормативам, всегда воспроизводящим лишь прошлый опыт. Отсюда вме-

29. Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций // Из архива Г. П. Щедровицкого. М.: Путь, 2000. Т. 4. С. 98–99.

30. Он же. Методология и философия организационно-управленческой деятельности. С. 231.

сто серьезной долгосрочной проектной деятельности — бессмысленное в своей основе планирование.

Таким образом, оргуправленческая деятельность по Щедровицкому — это не столько директивная манипуляция управляемыми в социотехнических целях, сколько попытка нащупать правильный баланс между естественным «самодвижением» объекта и осторожной технической регуляцией этого «самодвижения». И в этих поисках баланса Щедровицкий быть может значительно ближе к либеральным технологиям управления, чем кажется поначалу. Но в определенном смысле верно и обратное. И откровенно «технологический» язык советского методолога усиливает нашу — уже пробужденную Фуко — герменевтическую подзрительность в отношении любых попыток выдать совокупность управленческих техник за свободное и спонтанное проявление естественного порядка вещей.

Библиография

- Автономова Н. С., Максудов Р. Р., Кузнецова Н. И. Дискуссия // Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: http://fondgp.ru/lib/chteniya/ix/gr_mf/8.
- Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- Гвишиани Д. М. Избр. тр. по философии, социологии и системному анализу. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007.
- Гвишиани Д. Человек, который был мне дорог // Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А. Н. Косыгине. М.: Республика, 1997.
- Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ad Marginem, 2015.
- Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Дело, 2016.
- Дмитриев А. Н. Мертвая вода, советские мыслители и гамбургский счет // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 4. С. 20–23.
- Исследования по общей теории систем: сб. переводов / Общ. ред. и вступ. статья В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969.
- Круглый стол «Линии и узлы». Георгий Щедровицкий и Мишель Фуко // Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: http://fondgp.ru/lib/chteniya/ix/gr_mf/o.
- Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 169–201.
- Кукулин И. Зачем нужно контекстуализировать работы Г. П. Щедровицкого? // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 441–443.
- Митчелл Т. Углеродная демократия: политическая власть в эпоху нефти. М.: Дело, 2014.
- Моисеев Н. Человек и биосфера. М.: Юнисам, 1995.
- Пекелис В. Д. Кибернетическая смесь. М.: Знание, 1973.

- Розин В. М. М. Фуко и Г. Щедровицкий — мыслители XX века (сравнительный анализ) // Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого. URL: http://fondgp.ru/lib/chteniya/ix/gp_mf/7.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
- Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Хандожко Р. Движение Г. П. Щедровицкого как предмет интеллектуальной истории: метод и контекст // Youtube. 07.12.2017. URL: <https://youtu.be/tUAtwddUj-g>.
- Хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого. М.: Дело, 2004.
- Щедровицкий Г. П. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) // Из архива Г. П. Щедровицкого. М.: Путь, 2003. Т. 5.
- Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций // Из архива Г. П. Щедровицкого. М.: Путь, 2000. Т. 4.
- Rindzeviciute E. The Future as an Intellectual Technology in the Soviet Union. From Centralised Planning to Reflexive Management // Cahiers du Monde russe. 2015. Vol. 56. № 1. P. 111–134.
- Rindzeviciute E. The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2016.
- Tabatchnikova S. Le cercle de methodologie de Mouscou (1954–1988): une pensee, un pratique. P.: EHESS, 2007.

GAMES METHODOLOGISTS PLAY: MICHEL FOUCAULT
AND THE ORGANIZATIONAL MANAGEMENT PROJECT
OF GEORGY SHCHEDROVITSKY

IGOR KOBYLIN. Associate Professor, Department of Social Sciences, kigor55@mail.ru.
Privolzhsky Research Medical University, 10/1 Minin and Pozharsky sq., 603950
Nizhny Novgorod, Russia.

Keywords: Soviet philosophy; governmentality; biopolitics; artificial and natural;
hybrids and “centaur-objects”.

The article considers Georgy Shchedrovitsky's organizational management project in the light of Michel Foucault's works on liberal governmentality. As Michel Foucault convincingly pointed out, liberalism understood as a managerial technique seeks to “manage by not managing.” In that context, even relatively soft late Soviet governmentality seems outmoded and overdone with its omnipresent state control, ideological dictates, and rigid adherence to ritual. Many criticized that authoritative governmentality, but even those critical attacks often shared the Soviet enthusiasm for molding a new society from above. Shchedrovitsky's theory of management is frequently described as radically constructivist, “engineering,” and (despite harsh criticism from the Soviet nomenklatura) authoritarian in the Bolshevik style. Nevertheless, analysis of his “Organization, Guidance, Management” shows the view that it offers nothing but a kind of “policing” is to some extent misguided.

First, an organizational management project itself can be regarded as a certain kind of “liberalization” of the modern world's high-tech production. Second, the main goal of Shchedrovitsky's organizational management activity was not total control over those managed, but rather a redefinition of the relationship between the process of natural transformations and the process of artificial technical conversions. The thing managed is said to be a “centaur-object”: it is capable of natural evolution, self-propulsion, but can also be manipulated from outside. The art of management is finding a balance that would provide relative autonomy to natural transformations, and also turn artificial technical conversions into meaningful and long-term planned activities instead of stereotyped reproductions of past experience.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-2-268-285

References

- Avtonomova N. S., Maksudov R. R., Kuznetsova N. I. Diskussiiia [Discussion]. *Nauchnyi fond im. G. P. Shchedrovitskogo* [G. P. Shchedrovitsky Scientific Foundation]. Available at: http://fondgp.ru/lib/chteniya/ix/gp_mf/8.
- Bikbov A. *Grammatika poriadka: Istoricheskaia sotsiologiia poniatii, kotorye meniaiut nashu real'nost'* [The Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality], Moscow, HSE, 2014.
- Dean M. *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh* [Governmentality: Power and Rule in Modern Society], Moscow, Delo, 2016.
- Dmitriev A. N. Mertvaia voda, sovetskie mysliteli i gamburskii schet [Dead Water, Soviet Thinkers and Hamburg Reckoning]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2010, vol. 2, no. 4, pp. 20–23.
- Foucault M. *Bezopasnost', territorii, naselenie. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Sécurité, Territoire, Population: Cours au Collège de France, 1977–1978], Saint Petersburg, Nauka, 2011.

- Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979], Saint Petersburg, Nauka, 2010.
- Foucault M. *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Various Years], Moscow, Kastal', 1996.
- Groys B. *Russkii kosmizm. Antologiya* [Russian Cosmism. Anthology], Moscow, Ad Marginem, 2015.
- Gvishiani D. *Chelovek, kotoryi byl mne dorog* [The Man Who Was Dear to Me]. *Prem'er izvestnyi i neizvestnyi: Vospominaniia o A. N. Kosygine* [Premier Known and Unknown: Memoirs of A. N. Kosygin], Moscow, Respublika, 1997.
- Gvishiani D. *Izbrannye trudy po filosofii, sotsiologii i sistemnomu analizu* [Selected Works in Philosophy, Sociology and System Analysis], Moscow, Kanon+, ROOI "Reabilitatsiia", 2007.
- Issledovaniia po obshchei teorii sistem: sb. perevodov* [Studies in General Systems Theory: Collection of Translations] (eds V. N. Sadovskii, E. G. Iudin), Moscow, Progress, 1969.
- Khandozhko R. *Dvizhenie G. P. Shchedrovitskogo kak predmet intellektual'noi istorii: metod i kontekst* [G. P. Shchedrovitsky's Movement as a Subject of Intellectual History: Method and Context]. *Youtube*, December 7, 2017. Available at: <https://youtu.be/tUAtwddUj-g>.
- Khrestomatiia po rabotam G. P. Shchedrovitskogo* [G. P. Shchedrovitsky's Works. Anthology], Moscow, Delo, 2004.
- Kruglyi stol "Linii i uzly". Georgii Shchedrovitskii i Mishel' Fuko [Round Table Conference "Lines and Knots". Georgy Shchedrovitsky and Michel Foucault]. *Nauchnyi fond im. G. P. Shchedrovitskogo* [G. P. Shchedrovitsky Scientific Foundation]. Available at: http://fondgp.ru/lib/chteniya/ix/gp_mf/o.
- Kukulin I. *Alternativnoe sotsial'noe proektirovanie v sovetskom obshchestve 1960–1970-kh godov, ili Pochemu v sovremennoi Rossii ne prizhilis' levye politicheskie praktiki* [Alternative Social Blueprinting in Soviet Society of the 1960s and the 1970s, or Why Left-Wing Political Practices Have Not Caught on in Contemporary Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2007, no. 88, pp. 169–201.
- Kukulin I. *Zachem nuzhno kontekstualizirovat' raboty G. P. Shchedrovitskogo?* [Why Do We Need to Contextualise G. P. Shchedrovitsky's Works?]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2008, no. 90, pp. 441–443.
- Mitchell T. *Uglerodnaia demokratiia: politicheskaia vlast' v epokhu nefi* [Carbon Democracy: Political Power in the Age of Oil], Moscow, Delo, 2014.
- Moiseev N. *Chelovek i biosfera* [Man and Biosphere], Moscow, Iunisam, 1995.
- Pekelis V. D. *Kiberneticheskaya smes'* [Cybernetic Compound], Moscow, Znanie, 1973.
- Rindzeviciute E. *The Future as an Intellectual Technology in the Soviet Union. From Centralised Planning to Reflexive Management. Cahiers du Monde russe*, 2015, vol. 56, no. 1, pp. 111–134.
- Rindzeviciute E. *The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up the Cold War World*, Ithaca, London, Cornell University Press, 2016.
- Rozin V. M. *Fuko i G. Shchedrovitskii — mysliteli XX veka (sravnitel'nyi analiz)* [M. Foucault and G. Shchedrovitsky — Thinkers of Twentieth Century]. *Nauchnyi fond im. G. P. Shchedrovitskogo* [G. P. Shchedrovitsky Scientific Foundation]. Available at: http://fondgp.ru/lib/chteniya/ix/gp_mf/7.

- Shchedrovitsky G. P. Metodologiya i filosofiia organizatsionno-upravlencheskoi deiatel'nosti: osnovnye poniatia i printsipy (kurs lektsii) [Methodology and Philosophy of Organizational-Management Activities: Basic Notions and Principles (Lecture Course)]. *Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo* [From the Archives of G. P. Shchedrovitsky], Moscow, Put', 2003, vol. 5.
- Shchedrovitsky G. P. Orgupravlencheskoe myshlenie: ideologiya, metodologiya, tekhnologiya. Kurs lektsii [Organizational Thought: Ideology, Methodology, Technology]. *Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo* [From the Archives of G. P. Shchedrovitsky], Moscow, Put', 2000, vol. 4.
- Tabatchnikova S. *Le cercle de methodologie de Mouscou (1954–1988): une pensee, un pratique*, Paris, EHESS, 2007.

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
ИМЕНИ ЕГОРА ТИМУРОВИЧА ГАЙДАРА —
крупнейший российский научно-исследовательский
и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 года № 601 институт вернулся к исходному наименованию и получил имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Его задача — публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук — как классических, так и современных.